

УДК 02.41

**ДИАЛЕКТИКА ИДЕАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО
В ДИАЛОГЕ ИЛЬЕНКОВ – ЛИФШИЦ***Э.А. Исламов***Аннотация**

В работе представлена попытка раскрытия продуктивного смысла, возникающего в заочной полемике Э.В. Ильенкова и М.А. Лифшица. Предметом исследования является контекст социальности на фоне анализа данными мыслителями проблемы идеального. Цель работы заключается в том, чтобы увидеть феномен социального через призму различной интерпретации феномена идеального. Такое рассмотрение приводит автора к пониманию диалектического единства различных аспектов данных явлений.

Ключевые слова: диалектика идеального, идеальное, сознание, общественное, социальное.

В понимании Эвальда Ильенкова феномен идеального и тот механизм, которым он проявлен в мире, вскрыты с помощью весьма незаурядной логики. Это означает, что его теория была сконструирована таким образом, что в ней стало возможным отражение некоторой истины: сама форма, к которой она прикоснулась, была для неё приемлема. Так горная река прокладывает свой путь по вполне конкретному маршруту, который является одновременно случайным и в то же время обусловлен вполне конкретными географическими особенностями. Вместе с тем он становится проявленным и в этом смысле единственно возможным, истинным.

Зачем нужно об этом говорить? Это нужно для того, чтобы «заякорить» важный момент – поставить своего рода барьер, который оградил бы нас в дальнейшем от потери (в связи с анализом теории М. Лифшица) тех достижений и смыслов, которые открываются в философской позиции Э. Ильенкова (см. [1]). Такое механическое сложение двух «философских переменных» весьма опасно, так как почти с неизбежностью может привести нас к редукции, упрощённому восприятию по крайней мере идей Ильенкова (ведь его позиция исторически первая, а значит, от неё отталкивается М. Лифшиц [2], что делает его рассуждения как бы логическим продолжением работы Э. Ильенкова). И хотя этот заочный диалог во многом углубил и раскрыл рассматриваемый спектр явлений, нужно понимать, что позиция каждого автора остаётся в достаточной степени самобытной, аутентичной, они параллельны по отношению друг к другу.

Обе позиции взаимно дополняют и поддерживают друг друга, и вместе с тем позиция Ильенкова остаётся фатально недосказанной и поэтому незавершённой в полной мере. Позиция Лифшица же приводит его к таким выводам, к которым

его коллега и оппонент уже никогда не придёт, и не имеет смысла задаваться вопросом «а пришёл бы?». В этом смысле реальность исторически определена, она застыла и сложилась так, а не иначе. В то же время в этом заключается и своеобразная сложность. Обе работы (философские позиции) очень мощные, опасно захватывающие внимание читателя, так что по большому счёту с каждой из них можно знакомиться только в отдельности и максимально вживаясь, принимая каждую позицию без остатка.

Есть две фундаментальные мысли в этих работах, которые (каждая о своём и на своём уровне, в определённом смысле как два берега одной реки) составляют ещё не вполне артикулированное единство. В этом единстве неявно угадывается некая архитектура, своеобразное продуктивное смысловое поле. Одна мысль – это отправная точка детально проработанной позиции Э. Ильенкова, суть которой сводится к пониманию идеального как объективно существующего вне и независимо от сознания отдельного индивида. Из неё произрастает само принципиальное понимание идеального как процесса репрезентации, в котором один материальный объект является представителем всеобщей формы и природы другого материального объекта. Здесь мы увидим, как в просвете этих размышлений начинает мерцать социальность. Вторая мысль – опосредующая, промежуточная, но от этого не менее важная позиция М. Лифшица, в которой он вводит дополнительное пространство смысла категории идеального как *perfectum*, наилучшего, максимально выраженного, истинного. Эти две мысли, непосредственно не связанные между собой, вызывают настойчивое желание замедлить шаг, остановить на них взгляд и постараться понять, что скрывает эта река, текучая, изменчивая, где её опасные для нашего понимания подводные течения, камни и какое продуктивное осознание может пройти между двумя берегами.

Однако, несколько умерив драматический пафос, трезво и сосредоточенно взглянув на этот пока не выраженный продуктивный смысл, который возникает как некое поле между двумя полюсами, мы можем с уверенностью сказать, что в данном случае общим для обеих позиций будет именно неартикулированная, скрытая и мерцающая через эти рассуждения социальность. Её-то мы и попытаемся увидеть в контексте этого заочного диалога.

Эвальд Ильенков хотел показать механизм функционирования идеального таким образом, чтобы в его основе лежали не те значения, что связаны с церебральными процессами, протекающими в сознании отдельного индивида, а куда более тонкие и на первый взгляд достаточно абстрактные смыслы. Таким образом он хотел вписать эту проблему в живую ткань материалистического учения, пойдя, несомненно, сложным и опасным путём, через признание необходимости объективно-всеобщего, именно через утверждение его объективной природы. Собственно этому положению в работе «Диалектика идеального» посвящена не одна страница: Э. Ильенкову было важно расчислить себе место для дальнейшего продвижения, закрепить на этом принципиально отличном понимании природы идеального.

Для наших целей такая разработка данного теоретического «плацдарма» не столь значима, мы принимаем это положение как данность. Но что действительно важно – так это те выводы, последующие шаги, которые сделал автор для раскрытия феномена идеального и утверждения его через систему материалистической

диалектики. Осознавая совершенную теоретическую беспомощность представления идеального и как чисто нейрофизиологического процесса, и как проявления исключительно частной субъективности, Э. Ильенков с необходимостью вынужден был отказать в статусе изначального вместилища идеального человеческого психике, единичному сознанию. Такой ход практически не оставляет ему выбора, и, поставив перед собой вопрос о том, «куда ещё в таком случае можно поместить феномен идеального», автор, неожиданно раскрываясь в этом как «романтик», открывая всё же истинно человеческое лицо, нежели являя какую-то недодуманность своей мысли, отвечает: «“Идеальное”, понимаемое... как всеобщая форма и закон существования и изменения многообразных, эмпирически-чувственно данных человеку явлений, – в своем “чистом виде” **выявляется и фиксируется только в исторически сложившихся формах духовной культуры, в социально значимых формах своего выражения** (выделено нами. – Э.И.) (своего “существования”), а не в виде “мимолётных состояний психики отдельной личности”» [1, с. 238].

Понятно, почему М. Лифшиц почти упрекает его за эту мысль, считая её скорее слабой и недостойной самого автора, неосновательно продуманной, неудачной – и его аргументы действительно трудно оспорить. Коротко говоря, главный упрёк М. Лифшица как раз и состоит в том, что с такой точки зрения данную проблему абсолютно никак не проясняет введённое автором «диалектики» различие между частным и общественным сознанием. Но вместе с тем давайте попробуем посмотреть на такой ход ильенковской мысли с иных позиций, тем более что к критике и собственной позиции М. Лифшица сейчас переходить ещё не время. Ведь мы не должны без должной осторожности принимать на веру, что острый и цепкий ум Эвальда Ильенкова не обратил внимания на такое простейшее несоответствие в своей логике, пропустив соотношение общественного и частного сознания. А если он сознательно вписывает проявление идеального в структуру этого общественного сознания? Тогда получается гораздо интереснее, чем просто банальное «недосмотрел». И, хотя бы в экспериментальных целях и «отделяя зерна от плевел», попробуем практически пунктиром достроить вырисовывающийся рельеф из теоретически допущенной точки с позиции такого понимания.

Выше мы назвали Ильенкова романтиком, и это не случайно. В его текстах довольно отчётливо просматриваются не холодные рассуждения, как это обычно принято в философских текстах, но высказывания весьма экспрессивного характера. Ярость его мысли и слова вместе с нежеланием отказываться, отворачиваться от человека даже в таком непростом и принципиальном вопросе очень много рассказывает об авторе «диалектики» как о человеке титанического типа, представителе вполне определённой эпохи и в этом смысле мыслителе незаурядном, знаковом для своего времени¹.

¹ Об этом говорит и М. Лифшиц, причисляя его к роду людей истинной мысли. Рассуждая о революционерах, натянутых, как струна, сделанных, словно из чистого железа, идеальных, Лифшиц добавляет, словно с некой тоской по человеческому: «Да, это были люди». Ильенков, пожалуй, и был из разряда таких людей, и по некоторым признакам в его творчестве, и по его жизненному пути видно, как он *горел*. А это уже и есть живая социальность – и мы, когда сталкиваемся с ней, попадаем в пространство понимания какого-то продуктивного смысла, понимаем её без подготовки, сразу и целиком. В этом есть что-то от «тавтологий» М.К. Мамардашвили, от того, как он сам понимает социальность в частности и философские категории в целом.

Конечно, примириться с тем, что идеальное есть атрибут единичного мышления, автор не мог. Однако до конца отказать отдельному человеку в идеальном значило бы лишить его самой возможности этой человечности. Справедливо вырывая корни идеальности из повседневного и частного уровня эмпирической действительности, Эвальд Ильенков указывает нам на то, каким образом должен существовать этот уникальный феномен. Он прорастает в культурно-историческом теле человека, являясь одновременно его жилами, его плотью и внутренним каркасом, скрепляя между собой поколения, обеспечивая их глобальную преемственность, устремляя человека вперёд – в бесконечность. По большому счёту, если домысливать такое представление до конца, идеальное и социальное сливаются для нас в практически неразличимом единстве, обеспечивая, однако, точное совпадение с определением идеального у Э. Ильенкова.

Будучи связующей структурой культурного и исторического тела человечества, социальность и есть та самая эмпирическая (прагматическая) сторона объективной представленности одного материального объекта во всеобщей форме другого, она и есть материальность этого объекта. Однако социальное никогда не представлено перед нами непосредственно, оно всегда выражено через что-то другое. Существовая по принципу знака, символа, оно тем не менее ничем не уступает в степени своей реальности любому явлению физического мира. Можно даже сказать больше – социальность сама представляет собой в определённом смысле некоторую тотальную, онтологическую сторону реальности, сама и является этим физическим миром.

Может показаться, что подобными высказываниями мы только затуманиваем ясность этого вопроса. Но попытаться развести понятия *социальное* и *идеальное* мы всё же обязаны, и сделать это нам поможет один весьма любопытный пример. Когда говорят о «Государстве» Платона, часто и, скажем сразу, ошибочно его воспринимают как конкретное руководство к действию. Не в том смысле, конечно, что кому-то может прийти в голову буквально сделать это руководством, однако текст *воспринимается* именно таким образом (для нас в данном случае это одно и то же), *оценивается* как утопическая или антиутопическая конструкция, как возможная или невозможная форма организации общества. Вопреки такому мнению, нужно сказать, что текст античного философа в отношении какого-либо действия вообще, конечно же, должен восприниматься как модель. А это значит, что мы можем говорить о каком-либо конкретном государстве, только если эту модель держим в уме как идеальный образец, как эталон².

Так вот, можно сказать, что социальное и идеальное состоят в таком же отношении, как конкретное и всеобщее. Конкретная социальность, если продолжать логику нашего примера, будет выражена во вполне конкретном, совершенно не идеальном, но эмпирическом государстве – со всеми его неидеальными бюрократическими структурами. Эта неоднозначная эмпирическая реальность раскрывается перед нами целым спектром социальных явлений.

² Нужно сказать, что это достаточно вольно перефразированная мысль А. Пятигорского, которая была произнесена им во время выступления на конференции, посвящённой памяти М.К. Мамардашвили. Данная конференция записана на видео и на сегодняшний день существует в открытом доступе, в глобальной сети Интернет (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=rVCIdQFn4I>, свободный).

Однако есть и то, что мы называем «идеальным государством» и что находит своё выражение, к примеру, в одноимённом диалоге Платона. Этот образ словно прекрасная линия горизонта – не приблизится и через тысячу лет странствий. Но он необходим для самого этого пройденного пути, для того, чтобы сделать возможным каждый последующий шаг – трудный, ненужный, лишний в природной хаотической гармонии. Итак, здесь мы вплотную подобрались к тому, о чём фактически говорит в своей критической статье [2] М. Лифшиц: перед нами проскользнуло представление «идеального как *perfectum*». И всё же внезапное обращение к социальному в процессе нашего поверхностного знакомства с концепцией «идеального» Э. Ильенкова остаётся не вполне проговорённым.

С одной стороны, мы, решив поразмыслить в аутентичном пространстве логики «диалектики идеального», допустив от противного, что её краеугольный камень не случайное и досадное недоразумение, но необходимый акт мысли её автора, пришли к пониманию идеального как чего-то такого, что в некотором смысле тесно связано с тем способом, которым существует в мире социальность. С другой стороны, мы попытались развести эти понятия и положительно определить их целостную структуру следующим образом:

а) социальное и идеальное – феномены, безусловно имеющие некое общее основание, однако эта общность скрытая, так как данные процессы проявлены в мире разрозненно, неоднородно;

б) окружающие человека вещи и предметы (как и вся природа в целом) включены в сферу его жизнедеятельности, поэтому мы никогда не сталкиваемся с чистыми природными явлениями, все они тем или иным способом причастны социальности;

в) поэтому любой *пред-мет* (то, что *пред-ставлено*) – это всегда социальность, хотя сама социальность никогда не дана нам непосредственно, сама она всегда берёт свою телесную данность «взаймы».

Получается, что сама по себе такая телесность невозможна без социальности и представляет собой нечто схожее с платоновской материей. Хотя, как это видно из нашего рассуждения, и анимирующая эту материю социальность не может существовать в чистом виде. Ильенковская идеальность в таком случае есть способ, которым существует социальное, тот способ, которым она берёт названный заём, которым она обозначает нечто, являясь в то же время чем-то другим конкретным. Исходя из этого с уверенностью можно сказать, что социальное и идеальное представляют собой две стороны одной медали, точнее, саму эту медаль: не каждую сторону по отдельности, но единство её сторон, что только и возможно как нечто человеческое.

Э. Ильенков, таким образом, всё же оставляет для человека некое свободное пространство для реализации своих исключительных прав по отношению к феномену идеального. Указывая на исторический и культурный мир как на то место, в котором феномен идеального только и может возникнуть и существовать, автор фактически предвещает ту социальную направленность, которая будет господствовать в философии и разрабатываться различными способами в наши дни. И хотя М. Лифшиц с помощью почти алгебраических преобразований выстраивает из различных цитат Э. Ильенкова его признание всеобщей природы идеального (то есть наличие идеального не просто в социальности,

но и в самой природе), факт неоднозначного соотношения этих двух феноменов остаётся зияющей пустотой во многих ильенковских текстах, ярчайшим из которых, конечно же, является «Диалектика идеального». Ведь по большому счёту М. Лифшицу самому не удалось до конца отделаться от некой двойственности, довести свою логику до однозначного и ясного понимания идеального как непосредственного атрибута материи (по крайней мере в разбираемой здесь критической статье). И сейчас мы увидим, в чём выражается эта неоднозначность понимания идеального.

Начнём с того, что позиция М. Лифшица характеризует его как более основательного и холодного мыслителя – он, безусловно, прагматичный философ. Ещё и поэтому, видимо, ему кажется незаконченным такое представление этого сложного процесса, в котором идеальное, хотя и признаётся всеобщим, всё же подвластно и зависимо от человеческого сознания, пусть и всеобщего. В своей критической статье, посвящённой данной проблеме, он пишет: «Итак, путём алгебраических преобразований мы выяснили, что “форма деятельности общественного человека”, именуемая идеальным, является формой общественного сознания. Общественный характер сознания, конечно, играет большую роль в истории человеческого рода, но с точки зрения основного вопроса философии, то есть отношения сознания к бытию, совершенно безразлично, идёт ли речь о сознании отдельной личности или о сознании общества, коллективном сознании. Но если идеальное тождественно с сознанием (пусть это будет общественное сознание – всё равно), то непонятно, чем это отличается от распространённого взгляда на идеальное, который не без основания отвергает Эвальд Ильенков. Остаётся лишь предположить, что различие только в том, что идеальное признаётся воплощённым в материальные знаки или символы, начиная с языка и кончая художественной формой гончарного изделия. Это воплощение было бы тогда видовым отличием “идеальных образов”. Однако не все воплощения относятся к этому виду» [2, с. 123]. И далее следует известный пассаж, в котором говорится о том, что помимо прочего в слове *идеальное* заложен ещё один смысл: «нечто, что является высшим проявлением в своём роде».

Остановимся на этом. Конечно, можно проследить весь ход мысли автора, углубляясь всё дальше в самые корни «природного». И мы, конечно же, увидим идеальное даже в самых недрах этого природного естества. Однако непонятным для нас по-прежнему остаётся один и тот же мотив, с которым мы сталкивались и в связи с прочими работами, посвящёнными проблеме соотношения природного и общественного. Суть этой проблемы состоит в том, что даже если допустить наличие идеального в самой природе (что проявлено в ней как идеальная форма – идеальный газ или идеальный кристалл, о чём говорит М. Лифшиц), то артикулированность, актуальность, представленность этого феномена возможна только в человеческой деятельности.

Данный феномен может быть вскрыт и проанализирован исключительно в рамках той самой культурно-исторической парадигмы, к которой обращался Э. Ильенков, а она, в свою очередь, и есть социальность. Сама по себе эта идеальность – будь она хоть трижды безупречной – без человеческого осознания всё равно что не существует. И, по-видимому, мы не можем пройти мимо этого важнейшего факта, просто закрыв на него глаза. Идеальности М. Лифшица,

существующей в самой природе в виде степени градаций благости, тоже нужна социальность как осознание и в этом смысле, конечно, как некая телесность. Чтобы вещь проявилась в мире, – говорит нам М. Лифшиц – она должна пройти определённую степень самотождественности, то есть получить от реальности «добро», подобно тому как моряки получали добро на то, чтобы войти в гавань.

Но что будет критерием этого добра? Конечно, М. Лифшиц хочет нам дать понять, что социальности как феномена ментального, психического отнюдь не достаточно для объяснения идеального. Она с необходимостью должна обладать статусом фундаментальной природной объективности, что и показывает в своих рассуждениях автор. Тем не менее он говорит в другом месте своей работы: «“Не идеально”, что самка поедает самца (например, у скорпиона, после того, как он выполнил свою функцию и оплодотворил её). Да, это не идеально! А то, что всемирная цивилизация развивается посредством оргии военной промышленности, это идеально? А ракетное оружие в руках дикаря, это идеально? Если бы господь Бог спросил меня, сказал Альфонс Великий, я посоветовал бы ему что-нибудь лучшее» [2, с. 130].

Таким образом, идеальное есть не просто степень реализации какого-то явления в мире – этого субстанционального факта тоже не достаточно самого по себе. Ведь ядерное оружие как необходимая форма, к которой приходит человечество в процессе своего развития, тоже есть некая конечная, схваченная действительность. Но, как мы понимаем, не идеальная. Тот самый примат положительного, о котором пишет автор, не пускает нас полностью вырваться за пределы человеческих отношений, поэтому М. Лифшиц вынужден уточнять свои дефиниции. И делает он это, обращаясь к текстам немецкой классической философии и, конечно же, к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса.

Однако чтобы нам не увязнуть в достаточно обширном философско-историческом анализе интересующей его терминологии, мы сразу перейдём к конечной мысли. Автор выделяет и разделяет понятия *Ideell* и *Ideale*, понимая первое как *идейное* (самому М. Лифшицу такой перевод кажется неудачным из-за тех коннотаций, которые слово имеет в восприятии отечественного читателя), относящееся к частному сознанию, изменчивое (этим понятием он предлагает считать несовершенные, однако артикулированные в мире социальные явления), тогда как второе уже более близко к собственному пониманию слова *идеальное*: истинное, как соответствие явления своему понятию [2, с. 133].

Во втором томе «Заката Европы» есть одно интересное место, в котором О. Шпенглер говорит о культурных и исторических псевдоморфозах. Суть этого явления состоит в том, что молодая цивилизация, находящаяся в самом начале своего жизненного и исторического пути, зачастую просто не успевает реализоваться (развиться) в свою актуальную и аутентичную форму, но заполняет форму уже готовую – навязанную господствующей на смежных территориях цивилизацией, выхолощенной культурой и социальностью (см. [3, с. 193]). Как утверждает автор, так произошло с арабским миром в Средневековье, то же случилось и в культурном пространстве нашей страны.

Но что важно для нас в отношении рассматриваемых здесь явлений? Ссылаясь на такую позицию О. Шпенглера, мы можем сказать, что, конечно, существуют определённые общественные связи, например такое понятие, как *демократия*,

но в строгом смысле слова это только понятие – абстрактное, не имеющее соответствующей себе реальности (поскольку не были пройдены необходимые исторические этапы для того, чтобы данное явление было эргономично вплетено в культурное тело общества). Или наоборот, такие этапы на территории определённых государств складывались на протяжении всей истории – долго и мучительно, поэтому сегодня эти процессы протекают там совершенно естественно и словно «сами собой».

Таким образом, возвращаясь к анализу М. Лифшица, мы можем увидеть, что он совершенно верно отметил тот факт, что не всякая общественная форма в этом смысле является идеальной. И, согласно его логике, такие конкретные формы носят лишь идейный характер, то есть превратный, тёмный, ещё не нашедший своего актуального средства выражения, лишь потенциально возможный как идеальное. Здесь, пожалуй, и находится та точка, на которой пути этих двух замечательных мыслителей – Ильенкова и Лифшица – неизбежно расходятся.

Summary

E.A. Islamov. Dialectics of the Ideal and the Social in Ilyenkov and Lifshits' Dialogue.

This paper presents an attempt to comprehend the productive sense of the correspondence polemic between E.V. Ilyenkov and M.A. Lifshits. The research focuses on the context of sociality on the background of the analysis by these thinkers of the problem of the ideal. The work is aimed at considering the phenomenon of the social through the prism of various interpretations of the phenomenon of the ideal.

Keywords: dialectics of the ideal, the ideal, consciousness, the social.

Литература

1. *Ильенков Э.В. Диалектика идеального // Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 229–274.*
2. *Лифшиц М.А. Об идеальном и реальном // Вопр. философии. – 1984. – № 10. – С. 120–145.*
3. *Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. – М.: Мысль, 1998. – Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – 606 с.*

Поступила в редакцию
02.10.12

Исламов Эмиль Альбертович – аспирант кафедры социальной философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: megamarts@gmail.com